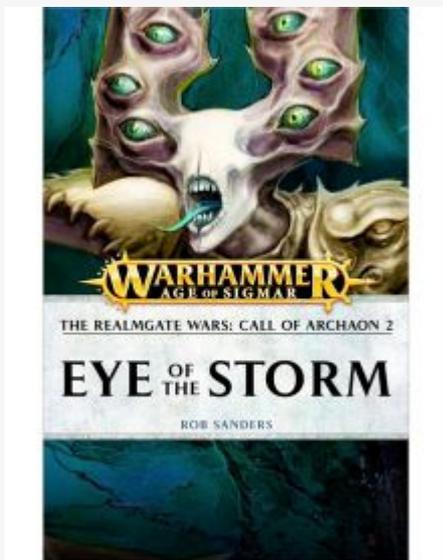

Око бури / Eye of the Storm (повесть)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Око бури / Eye of the Storm (повесть)

Автор	Роб Сандерс / Rob Sanders
Переводчик	Листопадов
Издательство	Black Library
Серия книг	The Realmgate Wars
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

□

Содержание

- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII

Колдун открыл глаза. Все.

Многоглазый. Последователь Тзинча и подчинённый Архаона - Всеизбранного Хаоса и Завершителя Миров. Свидетель невиданных зрелищ.

Взор Многоглазого протянулся вдаль, ведь он мог видеть подобно богам. Он был глазами Архаона. Его взор протянулся через Смертные Владения. Он искал. Искал тех, кто мог стать исполинами среди людей, воинов, уже посвященных Разрушению, тех, кто и сам искал высших смыслов и тёмного служения. И не было полководца Хаоса темнее и величественнее, нежели Всеизбранный, потому что Архаон был Возвышенным Великим Устроителем Апокалипсиса.

Многоглазый ничего не упускал. Он смотрел сквозь живых и мёртвых, нелюдей и неодушевлённых, и даже через глаза демонов, мерцающие в тенях. Монеты спадали с век трупов, возложенных на погребальные костры. Статуи смаргивали пыль с каменных очей. Глаза головорезов, королей и остальных несчастных, чьи места под солнцем находились между ними, представляли собой окуляры души, через которые и наблюдал великий колдун. Он мог видеть даже их внутренними взорами, наблюдать игру образов во тьме позади лиц. Воспоминания всплывали из прошлого - сохранённые тайны, воображённые фантазии.

Демонический колдун искал воинов, достойных клинка и брони его хозяина, разыскивал темнейший потенциал посреди моря мясников, совратителей, изуверов и ведьминога племени. Подлинные совершенства Хаоса, как и сам Архаон. Рыцари разрухи ждали от Всеизбранного знамения, знака или видения, что послужит им приглашением пройти испытания и присоединиться к рядам его зловещего воинства - живому, одоспешенному воплощению гнева Архаона, готовому обрушиться на Владения Смертных.

Многоглазый проморгал свой путь через миры людей. Он смотрел через зверей, и через тех, кто поступал как звери. В забытых пределах владения Гур, на исхлётанной грозой пустоши, известной диким кочевникам и ветропоклонникам как Разорённая Равнина, колдун нашёл того, кого искал.

Орфео Зувий. Благословлённый Великим Изменителем. Тот, кого звали Принцем Пепелища.

Многоглазый смотрел на Орфео через глаза тзинчитов, которых тот вёл, извращённых грешников его банды. Облачённый в лазурную броню и полурясу, гибкотелый Орфео Зувий продирался сквозь бурю. Небеса кровоточили, а ветра струились кровью, ветер трепал его порочное одеяние.

Зувий опирался на нечестивую глефу. Он шёл, держа её подобно посоху волшебника. Она была оружием, которое выковали демоны: рукоять из украшенного металла, увенчанная клинком, созданным в виде извилистого символа Тзинча.

У неё было имя - А'квит, и она была даром от покровителя Зувия. Многоглазый узнал это, раскрыв глаза заколдованного оружия, которых было три, точно как у хозяина колдуна - Трёхглазого Короля: один, раскрывшийся на противовесе оружия, и ещё два, расположенные на поверхности клинка. Многоглазый воспринял это как доброе знамение. С помощью А'квиты колдуну удалось лучше рассмотреть жуткие черты чемпиона.

Не скрытое за шлемом, его лицо представляло собой паутину расплавленной кожи поверх сожженной плоти. Извилистые полоски кожи тянулись по обожженному лицу, которое когда-то могли счесть красивым, теперь же его черты были искривлены самодовольством и мрачным настроением. Растрёпанные

пряди синих волос струились с головы. Зувий облизнул липкие губы серебряным языком – то был ещё один из даров Великого Изменителя.

Клинок глефы шурился в кровотокающей буре. Теперь колдун смотрел через глаза самого Принца Пепелища. Зувий взглянул на Маллофакса, сидевшего на импровизированном насесте из крючка клинка. Существо было духом-помощником и выглядело как ящероподобная птица с лазурным хохолком. Проклятое создание заговорило с Зувием клёкотом, от которого кровотокали уши и который, судя по всему, понимал лишь он один. Принц Пепелища кивнул и оглянулся на свой отряд, плетущийся позади сквозь вихрь из крови и песка. Следом за ним через Разорённую Равнину шёл сэр Абриэль и остатки королевской придворной стражи. Некогда призванные защищать семью монарха, – а Принц Пепелища, несомненно, был монархом, – теперь рыцари были лишь тенями самих себя. Сияние их доспехов и зеркальный блеск оружия бесследно исчезли. Великий Изменитель извратил их так же, как и принца. Теперь они были ничем иным, как неуклюжими ужасами, порабощёнными тьмой. Закопчённая броня рыцарей приварилась к их телам и растягивалась при каждом неестественном шаге и движении. Покрытые мерцающими знаками губительного колдовства, теперь они были Ведьмачьей Стражей Орфео Зувия.

Позади рыцарей, облачённые в изодранные одеяния, шли Незрячие – тзинчитские колдуны, которыми и завершился отряд Зувия. То были слепые ничтожества, чьё зрение забрал Великий Изменитель, и он же проклинал их ужасными искажёнными видениями мира вокруг. Применяя свои силы в бою, Незрячие обращали врагов в пугающее воплощение своих собственных жутких грёз. Кладя свои скрюченные руки один другому на плечи, они образовывали цепочку, в которой слепой следовал за слепым, а все вместе они шли за шумом шагов своего хозяина.

Зувий прикрыл глаза от кровавой бури. Позади них, в глубине черноты его зрачков Многоглазый нашёл свет и рёв пламени. Прошлое принца никогда не уходило далеко от его мыслей, оно было пугающим видением смерти и разрушения, из которого складывалось спокойствие безумца. Оно было оком бури, видением из времени до того как Зувий и его отряд стали теми извращёнными созданиями, которыми они были ныне.

Воспоминание, не подлежавшее забвению, вновь всплыло на поверхность сознания Зувия, чтобы причинить боль и доставить удовольствие.

II

Ночь. Обнесённый стеной город Пристанище Бури охвачен пожаром. Вершины башен корчатся в неестественном голубом пламени. Люди кричат, моля о спасении, а затем о смерти. Король мёртв, да здравствует король! Придворная стража, спотыкаясь, выбегает из северных ворот, единственных, что были открыты. Остальные оказались заперты снаружи. Люди умирали за ними будто животные, бросаясь на ворота и царапая их – всех их поглощало голубое пламя. Сэра Абриэля и его людей охватил мучительный кашель – сила изменения уже нашла свой путь внутрь них.

С ними был Орфео – младший сын короля и единственный выживший член дома Зувиев. Выживший, но не более того. Он тоже испытал на себе прикосновение перемен. Облизанный ярящимся пламенем, Орфео жутко обгорел. Его лицо, голова, руки. Он не вопил от боли, но был спокоен. Красные влажные мускулы его лица не кривились. Он отдал приказ. Сэр Абриэль и покрытые сажей рыцари не могли поверить в услышанное.

– Запечатайте ворота, – сказал им принц, ковыляя прочь от могучих стен Пристанища Бури. В это

невозможно было поверить, с этим нельзя было согласиться, это невозможно было понять. Но теперь Орфео Зувий стал королём, а его воля – законом. Похоронив сомнения, рыцари запечатали возвышающиеся северные ворота, заперев вопящих невинных внутри. Они надеялись, что у их сюзерена была веская причина, чтобы поступить так.

И причина у него имелась.

Поднявшись на близлежащие холмы, Зувий обернулся посмотреть, как горит его город. Город, верный Богу-Королю, чьи стены выстояли против бури и разрушительной дикости на протяжении многих поколений. Принц чувствовал жар огня на своём растрескавшемся лице. Он предположил, что это довольный Великий Изменитель омывал его теплом одобрения. То было чувство, которое его лицо не даст ему забыть.

Маллофакс кружил вокруг ревущей и искрящей бури огня, объявшей пылающий город; её сапфировое пламя достигало небес. Он спикировал вниз, прямо на плечо Зувия. Абриэль ненавидел питомца принца, но из-за зрелища горящего Пристанища Бури, он едва ли обращал внимание на чешуйчато-пернатую птицу. Если бы он узнал, что это создание виновно в падении города, то немедля бы рассёк его прямо в воздухе одним взмахом полуторного меча. Именно Маллофакс однажды перелетел через стену, и, присев на балкон принца, рассказал Орфео Зувию о невыносимых ужасах, обучил принца тайнам волшебства, искусству манипуляций и силе перемен. Это он, будучи посланником Тзинча, наставил Зувия обратить брата против брата, сына против отца и народ против своего короля, закончив всё бунтом, предательством, бесчинством и пламенем.

Сэр Абриэль и придворная стража собрались вокруг своего юного короля. Впрочем, он не был их королём. Он не был ничьим королём. Он навеки остался Принцем Пепелища – наследником угасающего праха разрушенного королевства.

Зувий смотрел, как падают башни дворца. Он увидел, как обрушилась его собственная, словно могучее дерево, объятая пламенем. Наверху башни грохнулось на городские стены прямо перед принцем, выбивая из укрепления камни и кирпичи. Зувий даже не пошевелился, а яркие голубые огни, полыхающие в городе, подсветили возникший в стене знак.

- Что это? – требовательно спросил Принц Пепелища. Маллофакс дёрнул головой и обратил стеклянистый глаз на повреждённую стену. Птица заклёкотала. Сквозь леденящие душу звуки Зувий разобрал мрачные слова духа-помощника.

- То – метка Всеизбранного, – сказал ему Маллофакс. – Приглашение.

- Куда?

- Возвышенный Великий Устроитель зовёт, – прокаркала птица. – Архитектор создал тебя, но Архаон тебя ломает. Ты будешь выкован заново, Зувий, как я тебя и учил. Прислушайся к крикам. Приглядишься к огню. Расскажи мне, что видишь.

Зувий наблюдал, как голубое пламя сверкает через повреждённую стену, достигая стальных зубцов. В мерцании небесно-голубого великолепия, Принц Пепелища увидел, как проявляются очертания некоего отдалённого места.

- Я вижу бурю внутри бури, – сказал он Маллофаксу, прищуриваясь на яркий огонь.

- И?

- Из неё поднимается нечто земляное, отёсанное бурей, - продолжил Зувий. - Плосковерхий холм в виде большой наковальни, с тропой, ведущей к нему.

- Кованая Тропа, - сказал ему Маллофакс. - Твоё мужество будет испытано там, ибо Всеизбранный отбирает лишь самых лучших воинов для своего внутреннего круга смерти и ужаса.

Зувий кивнул ему.

- Ты знаешь это место?

- Конечно, - ответила птица. - Бури, о которых ты говоришь, ярятся в отдалённой глуши под названием Разорённая Равнина.

Принц Пепелища тряхнул плечом, заставив духа-помощника вновь взлететь.

- Тогда веди, - сказал Зувий. - Было бы неразумно заставлять Всеизбранного ждать.

III

Разорённая Равнина соответствовала своему названию. Орфео поочерёдно переставлял ноги, прокладывая путь сквозь багровую дымку. Вокруг не было ничего, кроме вихря нескончаемых ветров и крови тех, кого забрала буря. Волосы и одеяние принца путались и трепались на ветру, а оперение Маллофакса постоянно взъерошивалось. Однако наиболее жалко выглядели искривлённые создания - сэр Абриэль и те, кто остались от Ведьмачьей Стражи и колдунов Незрячих, которые шли следом.

У них были причины чувствовать себя жалкими. Они брели сквозь кровавую бурю на протяжении недель. Их плащи и одежды были изорваны, броня расцарапана и помята. Ведомые лишь глазом-бусинкой птицы-Маллофакса и движениями его клюва, указывающими направление, Зувий и его отряд шли под порывами ветра. Бури, что терзали Разорённую Равнину, дополнялись ураганскими вихрями. В одних местах тзинчитов окатывало льющейся с багрового неба загустелой кровью, в других ветра и ненастья обращали кровь в разбавленную жижу. Смерчи выхватывали визжащих колдунов Незрячих, утягивая их в забвение, в то время как на каменистой местности неожиданный порыв ветра поднимал гальку и камни с земли, а затем швырял в Ведьмачью Стражу, словно картечь из пушки.

Принц Пепелища оставлял на своём пути вереницу трупов. То, что некогда было армией из рыцарей Хаоса и колдовских вырожденков, превратилось в отряд, насчитывающий меньше сорока душ - всё ещё серьёзная сила, но испытания временем, превратностями погоды и встреченными врагами вносили свою плату.

Орфео не жалел о решении отправиться на Разорённую Равнину в поисках Кованой Тропы. Он был избран. Те рыцари и колдуны, что пали - были бесполезны для Всеизбранного, и бесполезны для него самого. Зувия испытывали. Чего он сможет добиться, если не достигнет даже места, выбранного для его испытания? Принц устремился дальше в кровавую бурю. Он не мог позволить ей победить себя.

Однако, уменьшившиеся ряды некогда крупного отряда Орфея не сулили ничего хорошего в отношении вызовов, которые, как он знал, ждали его впереди. Он мог бы пополнить количество своих войск потерявшимися головорезами, ищущими руководства и мрачных целей. Нехватки в глупцах никогда не было. Принц Пепелища дал бы им смысл существования, и они отдали бы жизни в служении его судьбе.

Чемпион Хаоса услышал, как сэр Абриэль прокричал сквозь бурю нечто невразумительное. Это было всё, на что искривлённый рыцарь теперь был способен, не считая опустошительной работы мечом.

Вглядевшись в него сквозь кровавую завесу дождя, Зувий разобрал, что сэр Абриэль указывает вправо удлинёнными пальцами своей искажённой перчатки. Проследив в направлении его пальцев, Орфео увидел ряд шатров, что-то вроде лагеря, разбитого посреди пустоши.

- Еда. Вода. Кров? - спросил Зувий, тряхнув Маллофакса на глефе.

- Смерть? - спросила птица в ответ. Зувий огляделся. После недель на Разорённой Равнине он искренне считал, что его отряд это уже не беспокоило.

- Кучке кочевников не сравниться с нами, - прошипел Принц Пепелища, почти оскорблённый намёком на собственную уязвимость. Предыдущие встречи и дань буре уменьшили его войска, но Ведьмачья Стража и Незрячие были более чем способны принести ужас и смерть племени дикарей, поклоняющихся ветрам. Превозмогая вихри, Зувий двинулся в направлении лагеря.

- Вперёд! - крикнул он. Искажённо отозвавшись, рыцари и колдуны отряда последовали за своим хозяином.

IV

Зувий откинул толстые занавески из стёганой кожи. Внутри огромный шатёр представлял собой сооружение из гигантских костей. Орфео всё равно что зашел внутрь гигантской грудной клетки. Вокруг мерцали дымящиеся факелы, принц сразу же разглядел множество фигур, принадлежавших, вне всякого сомнения, членам племени и дикарям, о которых он был предупреждён. Как и предрёк Маллофакс, от этого места воняло застарелой кровью и смертью.

Принц Пепелища с уверенностью прошёл вперёд, позволяя Ведьмачьей Страже и колдунам войти следом. Несмотря на те ужасы, которые они могли напустить, Незрячие сами по себе не производили устрашающего впечатления. Искаженные же рыцари, облачённые в вурдалачьи пластины, покрытые сияющими знаками, были более чем способны запугать членов племени. Как только те поймут, что воины Губительных Сил среди них, зрелище этих гибельных созданий станет для людей последним.

Едва Зувий сморгнул кровь с глаз и привык к мраку, как осознал, что стоит отнюдь не посреди сухопарых кочевников. Вместо ветропоклонников, шатёр от стены к стене был заполнен крепкими здоровяками. Красная плоть и шрамирование подтвердили опасения Зувия. Они были не первым отрядом, который нашёл убежище в шатрах членов племени, варварские слуги Кровавого Бога пришли первыми. Взглянув под ноги, Принц Пепелища обнаружил, что стоит на разбрызганных останках предыдущих обитателей лагеря.

Окинув взглядом шатёр, Зувий безмолвно оценил силы соперника. Настоящий боевой отряд, в котором все вооружены до зубов, возможно, в других шатрах есть ещё воины. Зувию нечего было противопоставить их численности.

Рябь грубого удивления пробежала по рядам варваров, за ней последовали рыки и ропот. Мускулы вздрагивали от напряжения, раздавался скрежет оружия, хватаемого с пола. Перед Зувием стояли кровавые налётчики из Присягнувших Крови, это было понятно по украшающим их шрамам. Других дикарей он распознал по медным набедренникам и поножам, бряцающим снизу от широких, красных пластин грудных мышц. Они были разжигателями гнева Кхорна, благословлёнными не утихающей яростью своего Губительного бога.

Вожак с лицом, испещренным защитными шрамами, и разжигатель гнева приблизились к тзинчитам.

Главарь вынул нечестивые клинки из кожаных ножен, удерживая их в окровавленных руках подобно когтям. Повелитель разжигателей гнева, носивший клыкастый череп некоего демонического создания в качестве шлема, качнул перед собой заржавевшим от крови цепом, готовый выбросить его перед собой и атаковать оголовьем молота, прикреплённым на конце цепа.

- Сражаться или бежать? - прокричал Маллофакс, хлопая крыльями, и паря над Зувием и отрядом тзинчитов. Когда чемпион Тзинча не ответил, дух-помощник повторил - Сражаться или бежать?

- Ни то, ни другое, - ответил Принц Пепла. Тзинчит не двигался, заставляя себя оставаться согбённым, и держал глефу в вертикальном положении, словно обычный посох. Он не хотел раздражать диких последователей Кхорна ещё больше, он уже достаточно их спровоцировал тем, что просто оказался здесь. В то же время, он хотел продемонстрировать спокойствие чемпиона, слишком могущественного, чтобы испугаться воинов Кровавого Бога, пускай даже собравшимися в таком числе.

- Моё, - прошипел вожак.

- Обьедками, может, поделимся! - прогрохотал разжигатель гнева.

Колдовские знаки ярко загорелись на доспехах Ведьмачьей Стражи, когда мертвенно-бледные рыцари выстроились перед своим принцем, оцетинившись зубчатыми полуторными мечами и потрёпанными щитами.

- Не атаковать, - игривым, лукавым тоном сказал Зувий. Сэр Абриэль не был так уверен, и из дыры в лице, используемой им в качестве рта, донеслось что-то вроде вопроса. Вожак и разжигатель гнева двинулись вперёд, их люди потянулись за ними.

Глаза Зувия обратились к тому, что было позади разъярённого отряда. С престола из скреплённых черепов (как предположил Орфео, они принадлежали кочевникам), поднимался чемпион куда крупнее. Смертоносец, возвышенный чемпион Кровавого Бога. Хоть он и был некогда человеком, Кхорн благословил своего избранного громадным туловищем. Предводитель отряда был настоящей стеной мышц. Он носил ожерелья, сделанные из жил и зубов больших зверей, а из изменённого черепа росла пара бычьих рогов. На руках у него были закреплены костяные оружия - острые прокалыватели, вытянутые, словно пара когтей. На спине воина висел боевой топор, клинок которого был шириной с самого чемпиона.

- Стоять, - сказал чудовищный воин. Его голос был столь же глубок, как бездонные впадины, простирающиеся до самых недр Владения. Его псы войны резко остановились, словно их дёрнули назад на цепи. Присягнувшие Крови встали, как вкопанные, и расступились по приказу смертоносца, чтобы дать ему пройти.

Зувий видел, как на ладони, мыслительный процесс чемпиона - с дикарями так получалось часто. Напряжение в глазах. Поддрагивание губ. Орфео рассудил, что этот смертоносец сражался со всем, что жило и дышало на этих равнинах. Он встречал колдовских слуг Великого Изменителя прежде. В отличие от своих заместителей, он был осмотрителен. Мудрое поведение, мысленно согласился принц.

- Что вы делаете здесь, на Разорённой Равнине? - требовательно спросил воин через шатёр. - Говорите быстро и правдиво, или кровавые налётчики расколотят ваши кости до самого костного мозга внутри. Разжигатели гнева легко убьют вас в мгновение ока. По моему приказу, ваша кровь присоединится к буре, в честь могучего Кхорна.

Зувий почувствовал на себе взгляды всех присутствующих. Варвары жаждали развязать схватку.

- Это было бы необдуманно, - ответил принц, выигрывая время, пока его разум бурлил. Дикари-кхорниты внутри шатра буквально захлестнули бы их. Другие, услышав звуки битвы, зашли бы в тыл боевому отряду тзинчитов. Началась бы просто ещё одна бойня, на крови и костях предыдущей. Орфео попробовал воздух серебряным языком. Мечи и колдовство не могли сейчас помочь ему добраться до цели. Придётся положиться на одну из прочих способностей, дарованных ему богом. - Потому что в таком случае, вы не услышите того, что я должен сказать.

- И зачем великому Скаргану Жестокосердому надо слушать враньё ничтожного ведьминоного выродка, вроде тебя? - прошипел вожак Присягнувших Крови, оборачиваясь на своего хозяина.

- Потому что если произойдёт хотя бы половина того, о чём я расскажу ему, - ответил Зувий, - его возвышение обеспечено.

- Какое возвышение? - прогремел Скарган.

- Всеизбранный зовёт тебя, о могущественный,- солгал Принц Пепла.

- Всемогущий Архаон?

- О да, мой господин, - сказал Зувий. - Возвышенный Главный Устроитель Апокалипсиса обращается лишь к величайшим воинам эпохи, и он зовёт тебя.

- Я вырежу этот лживый язык из твоего рта, тзинчит, - пообещал вожак.

- Краал, сын Жуфгора, не мешай колдуну говорить, - произнёс Скарган Жестокосердый. Кровавые налётчики заволновались вокруг своего вожака, в то время как у разжигателей гнева вспенились заполненные косыми зубами рты. - Как ты пришёл к этому знанию?

- Мне было видение, мой господин, - ответил Зувий.

- Видения и ворожба, - сплюнул в отвращении Краал, сын Жуфгора.

Зарывав, смертоносец мотнул рогатой головой. Один из Присягнувших Крови зашёл за спину своему вожаку и вонзил ему ниже подбородка клинок налётчика. Всё было кончено в одно мгновение - главарь грохнулся наземь, а его убийца шагнул вперёд.

- Воарк, сын Краала, - произнёс смертоносец, - Присягнувшие Крови - твои.

Убийца поклонился в ответ, благодаря за возвышение.

- Колдун, говори.

- Мне явилось видение в пламени горящего города, о возвышенный, - продолжил Зувий. - Скарган Жестокосердый, несущий печать Всеизбранного. Возвышенный Главный Устроитель Апокалипсиса собирает свои войска, смертоносец. Кхорн знает, что ты будешь среди них.

Скарган прищурил кровавые шары глаз, глядя на Зувия.

- Твоя ворожба не работает на мне, - сказал он принцу, уперев кончик прокальвателя в свой бронзовый ошейник. - Кровавый бог защищает.

Зувий кивнул. Он видел такие артефакты на чемпионах-кхорнитах прежде - Кхорн желал защитить своих мясников от магических манипуляций. Но сейчас тзинчиту и не нужны были такие силы.

- Встать между Завершителем Миров и его избранным? - возразил Зувий. - Это не про меня, смертоносец. Не пойду на такое даже за всю мрачную славу во Владениях. Я знаю своё место - как в этом, так и во всех прочих вопросах. Я всего лишь гонец.

Скарган Жестокосердый взглянул на Воарка, сына Краала.

- Расскажи мне ещё о своём видении, колдун, - приказал смертоносец.

- Вы должны пройти по Кованой Тропе, о возвышенный, - продолжил Зувий, - к месту испытания, так Всеизбранный сможет определить, сделал ли он мудрый выбор.

- Битва? - спросил Скарган, его глаза вспыхнули алым.

- Я полагаю, мой господин.

- Ты знаешь эту тропу?

- Знаю, - ответил Принц Пепелища. - И я видел, как вы пройдёте её и обретёте славу.

- Что ещё ты видел, колдовской ублюдок? - выплюнул смертоносец. Зувий задумался над вопросом.

- Ничего, могучий чемпион, - ответил ему принц. - Но я не могу перечить судьбе, равно как и воле Всеизбранного.

Скарган нахмурился. Орфео понимал, что чудовищный воин не верит ему, и заметил, как тень сомнения омрачила черты военачальника.

Но не доверять слуге Тзинча - это одно, пусть даже разумное дело, а вот противиться воле Всеизбранного Хаоса - совсем другое.

- Тогда ты покажешь мне эту тропу, - произнёс Скарган. Он повернулся к воинам, стоящим в шатре. -И если я окажусь недовольным этим колдуном и его ничтожествами, или же вы увидите, что они делают что-то, что может мне не понравиться, тогда, во имя Кхорна - убейте их.

- Вы настолько же справедливы, насколько мудры, мой господин, - сказал Зувий Скаргану Жестокосердому.

V

Орфео Зувий пробирался сквозь кровавую бурю. Его боевой отряд с трудом ковылял через разливающееся болото крови. Маллофакс хлопал крыльями и отряхивал перья, сбрасывая багровые сгустки с оперения. Теперь Принц Пепелища был окружён кхорнитскими убийцами, жаждущими его крови. Оглядываясь назад через ряды Ведьмачьей Стражи и Незрячих, Зувий видел орду Скаргана Жестокосердого, следующую за ними через вихрь. Двое разжигателей гнева шагали по бокам от него, как примитивная почётная стража, а Воарк, сын Краала, шёл во главе кровавых налётчиков. Роясь вокруг своего возлюбленного смертоносца, они защищали Скаргана от бури собственными телами.

Когда Зувий узрел подлинный размер орды смертоносца, он понял, что решение не нападать на Жестокосердого и его мясников было верным. Боевой отряд Скаргана насчитывал сотни закалённых в боях воинов. Их уничтожение дорого стоило бы принцу - возможно, даже самой жизни. Скарган и его орда пришли на Разорённую Равнину в честь своего бога, омыться в кровавой буре, которую они считали воплощением Кхорна. Воины не знали, что вихрь существует лишь затем, чтобы бичевать равнину и

губить неосторожных. Маллофакс рассказал своему принцу, что Разорённая Равнина – проклятое место. Кочевники, ветропоклонники и путешественники находили случайную смерть в вечном урагане, а их кровь становилась единым с дождём.

А дождь лил сильнее, чем когда-либо, стуча огромными каплями по доспехам Зувия. За чемпионами Хаоса, движущимися по Разоренной Равнине, оставалась череда трупов. Переходя от вихря к вихрю, подверженные превратностям бури, Скарган и его колдун-проводник теряли воинов своих боевых отрядов. Временами смерчи вызывали оползни или уносили людей в небо. Один из громадных разжигателей гнева утонул в воронке, скрытой под трясинной. Температура могла поменяться мгновенно: в одно мгновение на доспехах Ведьмачьей Стражи выросли красные сосульки, через час же Зувий мог потерять колдуна в пахучих клубах красного пара.

- В чём дело? – спросил Орфео, когда Маллофакс начала каркать и яростно хлопать крыльями.

- У бури есть зубы, – таинственно ответила птица. Зувий недоумённо взглянул на духа-помощника прежде, чем стук кости о его доспех объяснил всё, что следовало знать. Поднявшийся песок, пролетающий через его одеяния и драные клочья плащей Ведьмачьей Стражи, нёс в себе зубы, клыки и осколки кости. Зувий ощутил, как один из таких осколков рассёк ему щёку. Другой прорвал одеяния и воткнулся в мышцы ноги. Вокруг них усиливался ураган, а значит, и этот смертельный град тоже. Обломки изрезали одного из разжигателей гнева и превратили кровавого налётчика в кровавое пятно.

- Впадина! – проревел Скарган Жестокосердый сквозь бурю. Орда только что достигла подтопленной впадины, и смертоносец приказывал своим дикарям спуститься в неё.

- Последуем ли мы за ними? – прокаркал Маллофакс.

Зувий огляделся, в то время как Ведьмачья Стража сомкнула вокруг него щиты, давая ему убежище. Это была наилучшая возможность сбежать от воинов Сгаргана. С другой стороны, буря могла съесть их заживо, а боевой отряд кхорнитов не был совсем уж бесполезным.

- А есть ли у нас выбор? – ответил Зувий, отправляясь к впадине; зубы и кости стучали по металлу рыцарских щитов.

Спускаясь на отмель, Зувий то и дело поглядывал наверх, на ветер, струящийся кровью и костью. Впадина обещала укрытие, но была затоплена багровым осадком, хлюпавшим под сапогами. Зувий задумался, когда же закончится этот шквал из острых зубов и костяных осколков.

- Долго ещё? – требовательно спросил Скарган, выпуская клыки из красной плоти. Зувий не знал.

- Не слишком, – ответил принц.

- Что это вообще значит? – злобно проговорил Воарк, сын Краала. Он явно не мог сдержать своё раздражение. Оглянувшись на своего собственного сына, Скраала, кровавый налётчик продолжил, удовлетворившись тем, что ему в спину не целится клинок. – Этот колдовское ничтожество добивается, чтобы мы погибли здесь. Ведёт нас из ловушки в ловушку.

Один из разжигателей гнева неподалёку согласно проворчал. Зувий понял, что нужно это остановить прежде, чем Воарк пробудит в Скаргане и его орде ненависть Кровавого Бога к колдунам.

- Мои извинения, о возвышенный, – произнёс Орфеон. Чудовищные черты смертоносца скривились в отвращении. Он презирал любого человека, умолявшего за свою жизнь, вместо того, чтобы сражаться за

неё. Губы Воарка рассекла жестокая улыбка.

- Я больше не могу держать язык за зубами, - быстро добавил Зувий. - Моё видение открыло мне знание, которое я слишком опасался представить вам.

- Что за знание? - рявкнул Жестокосердый, прищурившись от ярости. - Ты не говоришь мне всего, что известно тебе?

- Познакомившись с твоими вожаками, я не мог в это поверить, - продолжил Зувий. - Ни один чемпион не повелевает столь верными и преданными воинами, как они.

- Поверить во что? - рассердился смертоносец.

- Что кровавые налётчики и разжигатели гнева могут предать друг друга, - ответил ему принц с настолько убедительной искренностью, на которую только были способны жуликоватые губы тзинчита. - И, следовательно - тебя.

Скарган недоверчиво взглянул на Зувия, потом на разжигателей гнева и на Воарка, как будто он не знал, кого из них убить первым. Сын Краала помог ему принять решение.

- Ничтожный предатель! Я знал, ты что-то замышляешь! - взвизгнул он, выхватывая клинок налётчика и указывая им на ближайшего разжигателя гнева. Услышав обвинение Воарка, кровавые налётчики двинулись вперёд, только затем, чтобы попасть под ужасающую дугу молотов-цепов разжигателя гнева. Проталкиваясь через кровавых налётчиков, воин ревел в поднявшейся суматохе, вертя вокруг себя опустошительным оружием, намотанным на запястья. Другие ярились вокруг него, срубая множество налётчиков неизящными взмахами цепов. Ловкие кровавые налётчики прыгали и уклонялись от разрушительных дуг оружия, те же, кто оказывался недостаточно быстр, превращались в мешанину мясных ошмётков и оторванных конечностей. Набегая на багровых громадин, кровавые налётчики роились вокруг разжигателей гнева, целясь в спины и крутые плечи, кололи и рубили их короткими жестокими клинками.

На какое-то время воцарилась полная неразбериха. Разжигатели гнева поднимали вокруг себя целые фонтаны багровой дождевой воды, когда врезались в толпы взбешённых кровавых налётчиков. Воины отступали с пути здоровяков и хлестали их бритвенно-острыми клинками. Скарган Жестокосердый прорубился сквозь общий хаос. Выхватив исполинский боевой топор из-за спины, и ступая по отмелям, он устремился в смертельную схватку. Ударив одного из разжигателей гнева плоскостью огромного клинка сверху вниз, Скарган расколол его череповидный шлем, и противник упал без сознания.

Резко развернувшись, он пнул сапогом в грудь Воарка, сын Краала. Раздался хруст, и воин, пролетев по воздуху, шлёпнулся на мелкокровье.

- Это хорошо? - прокаркал Маллофакс с глефы Зувия.

- Не уверен, - ответил Принц Пепелища. Безжалостное насилие и кровопролитие вокруг него подавляло. В планы Орфео не входила смерть под клинками дикарей Скаргана, но точно так же ему не хотелось бы, чтобы они выпотрошили друг друга. Зувий сделал ход, чтобы избежать собственной гибели от рук кхорнитов, но теперь нужно было сохранить их силу для последующих испытаний. Принц чувствовал, что не сможет достигнуть своих жестоких целей без их силы. Колдовское чутьё Зувия, стоявшего в подтопленной впадине, вдруг обострилось.

- Подожди-ка минутку, - сказал он пернатому духу-помощнику.

Зувий увидел облако, формирующееся над окровавленными отмелями впадины. Вода вокруг сапог воинов Хаоса, хлюпая и пузырясь, загустевала до состояния топкой жижи. Руки с розовыми мышцами и сухожилиями разорвали поверхность неестественной топи, клацая демоническими когтями.

Зувий наблюдал, как появляются из-под воды вокруг кхорнитов inferнальные ужасы – чудовища Тзинча, притянутые чудесным ароматом предательства и разобщённости в рядах орды.

Впадина наполнилась рёвом и криками слуг Кровавого Бога. Безобразные отростки утаскивали их в грязь, схватив за сапоги и щиколотки. Пасти, появляющиеся в мясистой поверхности отмелей, до краёв были наполнены косыми клыками; они целиком проглатывали Присягнувших Крови. Разжигателю гнева откусили ногу, и, объятый яростью, он начал избивать грязь, но быстро застрял кулаком в застывшей демонической плоти.

Столкнувшись с общим врагом, мясники позабыли о противоречиях и обрушили свою ярость на омут, в котором стояли. Великий Изменитель, во всей своей извращённости, послал благословение. Орда кхорнитов теперь была объединена перед лицом общего врага. Они быстро забыли своё желание прикончить Орфео. Демоническая атака, тем временем, истощала разделённые силы. Появление ужасов не только дало Зувию возможность сражаться на стороне кхорнитов, но и сделало их более восприимчивыми к манипуляции, чем раньше.

Грязь выглядела, словно единое чудовище, но из него выростали отдельные существа, пришедшие из кошмаров и тянущиеся к свободе. Разжигатели гнева расквашивали демонов, попадавших под чудовищные дуги молотов-цепов, в то время как кровавые налётчики отсекали хваткие конечности существ только затем, чтобы увидеть, как на месте отсечённой конечности из волнующейся плоти вырастает две новых.

Казалось, что ужасы никогда не кончатся, а будут и дальше карабкаться из своего плодильного пруда на свободу, словно эпидемия торжествующего безумия. Их гротексные тела были покрыты клыкастыми зевами и глазами-бусинками, что неистово выискивали новых жертв, которых можно искалечить их. Когтистые мускулистые ноги помогали им вцепляться в берсеркеров Скаргана, в то время как неестественно мощные руки срывали с воинов-жертв броню, конечности, шлемы и головы.

- Этого не может быть, - взвизгнул Маллофакс, кружа над бойней. - Это же низшие игрушки нашего хозяина!

- Демонические ужасы Тзинча, - произнёс Орфео Зувий, поведя древком глефы вокруг себя. Боевой отряд принца не избежал внимания существ. Inferнальные чудовища утягивали членов Ведьмачьей Стражи в плотские объятия, разламывая их доспехи в извивающихся переплетениях демонических мышц.

Колдуны Незрячих, тем временем, в своей слепоте хватались друг за друга. При разумном применении они оказывались среди наиболее могучих уродцев в распоряжении принца. Их колдовские силы могли превращать самых смертоносных противников в застывшие отродья бугрящейся плоти и скрученной кости, придавая облик ужасных видений Незрячих врагам вокруг них. Однако против этих бесформенных чудовищ их силы были бесполезны. Демонические ужасы уже приняли форму кошмарных видений колдунов.

- Великий Изменитель, должно быть, недоволен, - заговорил Маллофакс. - Приглашение Возвышенного Главного Устроителя разозлило его.

- Нет, - сказал Зувий, оскалив совершенные зубы и срубив когтистые пальцы приблизившегося демона великолепным взмахом А'квитаса. - Это честь. Пробудившееся проклятие этой впадины укрепило нашу связь с варварами Кровавого Бога. Для этих дикарей битва словно эль, льющийся в застолье.

Рыцаря Ведьмачьей Стражи разорвали на куски два многоруких ужаса, а сэр Абриэль, разбрызгивая слизь, метнулся к другому чудищу, и оттолкнул его щитом. Держа глефу за основание древка, Орфео крутнулся на месте, отсекая тяжёлым клинком оружия конечности наступающих существ.

- Тогда почему демоны Великого Изменителя пытаются уничтожить нас? - прокаркала неубеждённая птица.

Зувий развернул А'квитас в своих перчатках, целясь навершием глефы в ужасов, прущих из пруда.

- Извращённости ради, - ответил принц, безумно оскалившись. - Почему бы ещё?

Открылся голубой глаз выкованного демонами оружия. Молния ударила из глефы, заставив воздух вспыхнуть, а сердца подскочить. Когда стрела поразила ближайшего демона, существо взорвалось водопадом розовых ошметков. Направив колдовское оружие вдоль ряда надвигающихся созданий, Зувий заставил молнию прыгать от чудища к чудищу, обращая одного за другим в брызги плоти.

Скарган Жестокосердый шагал через завесу крови подобно машине разрушения. Его большой топор был везде, шинкуя демонов, отрубая конечности и рассекая тараторящих существ пополам. Клыкастые, перепутанные, беснующиеся создания преграждали ему путь только за тем, чтобы быть заколотыми костяными клинками, которые смертоносец носил на каждом мясистом кулаке. Швыряя вопящих демонов вверх и вниз, Скарган топтал их ботинками, а потом бросал обратно в пруд плоти.

- Ты! - проревел смертоносец Зувию. - Это твоих рук дело!

Принц Пепелища уже устал от воинственного чемпиона и его одичалых заместителей. Толкнув А'квитас вперёд, Орфео пронзил демона, затем вырвал глефу и провернул оружие в руках. Взорвав раненную тварь молнией, он окатил Скаргана скверной.

- Разве это выглядит как дело моих рук? - крикнул принц в ответ, тут же провёл глефой у себя за спиной и толкнул её в сторону. Ужас Тзинча, напавший на него, раскрыл зияющую пасть и как будто проглотил оружие. Клинок глефы на мгновение затерялся во тьме, прежде чем вырваться из спины демона. Зувий обернулся к приближающемуся чемпиону Кхорна. - Разве всё это говорит тебе, что мой бог мне благоволит?

Скарган Жестокосердый обдумал слова принца со всем спокойствием, на которое только был способен. Осатанев от собственного примитивного умозаключения, смертоносец создал целый круг разрушения вокруг себя. Он рубил. Крошил. Изничтожал. Его боевой топор разбрызгивал ихор. Тем временем, освещение во впадине поменяло цвет. Розовый, застеливший отмели и затвердевавший в омуте плоти, подёрнулся голубым. Каждый раз, когда розового ужаса изрубали в бесформенное нечто, голубые когти разрывали разрушенную демоническую плоть на части. Пока подыхающее чудище покрывалось рябью и трепыхалось, голубой ужас выкарабкивался из трупа, за ним следовал второй такой же. За исключением цвета, каждый из них целиком повторял обликом мерзкое существо, от которого они произошли.

Зувий поджал липкие губы. Он снова оказался меж двух огней - бешенством смертоносца и превратными обстоятельствами. Взглянув вверх, Орфео увидел, что ветер стихает, буря клыков и зубов заканчивались. Однако же, густые капли кровавого вихря всё ещё молотили вокруг.

- Просто проклятие этой земли, о возвышенный! – сказал Зувий. – Адская дыра, через которую демоны лезут в мир. Плоть без конца, мой господин, живущая, умирающая, делящаяся. Нам нужно уходить.

- Никогда! – проревел Скарган, который разодрал прокалывающими когтями какое-то существо, а затем отшвырнул трёх голубых скребущихся тварей плоскостью топора.

- Приведи колдунов, – скомандовал Зувий, отправив Маллофакса в направлении Незрячих. Принц Пепелища не умрёт в какой-то убогой дыре с безмозглым берсеркером! Когда клёкотание птицы повело слепых уродцев обратно из впадины, Зувий указал пальцем на сэра Абриэля и на косогор позади. Отталкивая безумных существ рыцарскими щитами и рассекая ужасов зубчатыми полторными мечами, Ведьмачья Стража прикрывала отступление своего господина.

Поднявшись выше по склону и оказавшись ближе к вою кровавой бури, Зувий ударил молнией в существ, заседавших на Скаргана. Обрызганный розовой и голубой демонической кровью, шипящей от колдовской энергии, и окружённый чудищами, взрывающимися вокруг него, смертоносец получил шанс оценить положение. Его военный отряд погибал, одолеваемый сборищем демонов, несмотря на всё буйство кровавых налётчиков и всю опустошительность разжигателей гнева. Единственное решение отделяло Скаргана Жестокосердого от полного поражения.

Зувий наблюдал, как смертоносец пытается пересилить себя и рассудить здраво. Скарган верил, что Всеизбранный Хаоса потребовал его тёмного служения. Орфео готов был поверить, что это убеждение засело в голове смертоносца. Толкнув нескольких разжигателей гнева к склону, и выхватив Воарка, сына Кралла, из мешанины кровавых налётчиков, Скарган проорал свой приказ на всю впадину.

- Здесь нет славы, – проревел чемпион Кхорна, указывая боевым топором вверх, на бурю. – Вперёд! Во славу Кровавого Бога и Возвышенного Устроителя!

Приказ Скаргана пробился сквозь красную пелену берсеркского бешенства, и орда начала свой торопливый отход из впадины. Поднявшись по склону и оторвавшись от тзинчитского сонма, войско снова ступило в кровавую бурю.

VI

Они утопали. Утопали в крови.

Небеса кипели яростью и обрушивались на землю багровым дождём, затопляя не только впадины, выбоины и кратеры Разорённой Равнины, но и сами истерзанные бурями пустоши. Зувий и его тзинчитские рыцари шли вброд через кровавые воды. Незрячие наполовину ковыляли, наполовину плыли. Маллофакс летел, птица буквально пробивала себе путь сквозь ветра, что дули над вздымающимися водами мелкого моря.

Сквозь потоп за Принцем Пепелища следовал военный отряд Скаргана Жестокосредого. Недоверчиво пробирающиеся через воды, кхорнитские воины ещё не до конца смирились с бегством из впадины. Казалось, что приказ собственного чемпиона выйти из схватки и душераздирающие тяготы пути через бурю и паводок сломили их. Зувий, манипулируя воинами при помощи лжи, убедил их пройти даже через проклятую землю и демонов, обитавших в ней. Принц убедил Скаргана встать на эту дорогу к саморазрушению, и его дела со смертоносцем ещё не были закончены.

- Маллофакс? – позвал Зувий через бурю. На протяжении последнего часа Принц чувствовал, что кровь плещется о его броню всё ниже и ниже. – Вода убывает?

- Мы на Кованой Тропе, - каркнула птица, приземлившись на клинок А'квитаса. - Взгляни!

Зувий всмотрелся в струящееся кровью небо. Тёмный силуэт вздымался прямо над ними, он был столь велик и высок, что даже неестественная буря оказалась не в силах скрыть его. Принц узнал в нём холм из своего яркого видения, изъеденный эрозией до такой степени, что по форме напоминал колоссальную наковальню из камня.

Зувий отстранённо кивнул птице. Они карабкались, взбираясь по тропе, что должна была привести их в тот странный край. Эта тропа испытает Принца даже тяжелее, чем всё, случившееся прежде. Подобно куску бронзы, он будет выкован заново. Бронза и понятия не имеет, каким клинком она может стать, и какую власть над жизнью и смертью может получить. Всеизбранный усмотрел в Зувии подходящий для себя необработанный материал, и тзинчит надеялся, что ему придадут баланс, сделают оружием, достойным самого Архаона. Он будет испытан, переделан именно здесь, на Кованой Тропе, на этой столовой горе. В тёмных закоулках души Принц таил желание стать тем, кто удовлетворит Всеизбранного Хаоса: воплощением смерти и разрушения, способным обратить на себя взор полубога.

- Смертоносец, - позвал Зувий, понуждая Скаргана Жестокосердного грубо растолкать нескольких из его орды и выступить на слякотное мелоководье. - Это место, которое я узрел в своём видении, - честно сказал ему тзинчит, указывая на поднятие в форме наковальни. - Здесь будут брошены вызовы и воплощены судьбы.

Похоже, что чемпион Кхорна не слушал Принца. Вместо этого он пролаял своему отряду почти неразборчивый приказ и погнал бойцов через изнуряющий потоп.

- Прочь с дороги, колдун, - сказал Скарган, шагая через кровь и проталкиваясь мимо Зувия, - пусть боги помогут всем ничтожествам, что собрались тут.

Посторонившись, тзинчит приказал сэру Абриэлю и Ведьмачьей Страже остановиться. Ковыляющих Незрячих задержало карканье парящего Маллофакса. Зувий пропустил растянувшихся дикарей Присягнувших Крови, разжигатели гнева угрюмо протопали за своим господином вверх по Кованой Тропе.

На подъём по обветренной горе ушло несколько часов. Буря ярилась вокруг них, молотя тёмными каплями по каменистой поверхности огромного массива.

Скарган приближался к вершине, следом тянулся его измученный отряд.

- Я здесь! - проревел воин, оглашая своё прибытие столь громогласно, как способен лишь благословлённый Кхорном. - Я здесь, чтобы ты судил меня. Судил, достоин ли я твоего расположения!

Слова смертоносца затерялись в буре. Небеса взвыли над ним, но ответа не последовало. Лицо чемпиона искривилось в гневе. Его орда в ожидании сгрудилась вокруг, лишь усиливая раздражение Жестокосердного. Они зашли слишком далеко и отдали столь много, Скарган не собирался терпеть унижение в их присутствии. Чемпион перебил бы всех бойцов до последнего, чтобы не позволить сомнению появиться на их лицах.

- Испытай меня, Владыка Архаон! - проревел Скарган. - Заверши мою жизнь, если сможешь, Завершитель Миров!

Богохульный вызов остался без внимания. Моросило кровью. Скарган опустил боевой топор.

- Избранный Кровавого Бога недоволен, - прокаркал Маллофакс. Раньше Принц уже видел, как ярость охватывает Жестоксердного, и знал, что это произойдёт и сейчас.

- Приготовьтесь, - предупредил Зувий Ведьмачью Стражу и колдунов.

- Чернокнижник предал возвышенного Кхорна, - прошипел Воарк из рядов Присягнувших Крови. - Он лгал, чтобы повеселить себя и своего чокнутого бога.

Двое разжигателей гнева встали по бокам от их взбешённого господина. Сам Скарган буквально кипел, его пылающая ненависть к Зувию и всему чародейскому роду обращала капли кровавой жижи на его красной коже в пар.

- Недостойный... - взревел смертоносец.

Меч сэра Абриэля со свистом покинул ножны, за ними последовали клинки остальной Ведьмачьей Стражи. Незрячие начали стонать. Пускай и слепые, они почувствовали близящуюся бойню. Они были способны переделать врагов своего принца, ваяя, ломая и искажая противников, неся им увечья и мучительную смерть.

Когда Орфео Зувий уже собирался ответить чемпиону Кхорна, ливень вдруг прекратился. На Разорённой Равнине всегда шёл дождь, но здесь, на Кованой Тропе и каменистом плосковерхом холме, он вдруг перестал. Буря закончилась и тучи, бурлившие наверху, начали исчезать. Столь неожиданными были перемены в погоде, что Принц Пепелища, Скарган и их последователи забыли друг о друге и уставились в небо.

- Что произошло? - спросил Жестокосердый.

- Моё видение становится явью, - ответил ему Зувий. - Скоро нас будут судить. Теперь мы узнаем, кто на самом деле недостойный.

Буря стихла, и послышался отдалённый гром. Тьма поблекла от ослепительного света. Вращающаяся воронка молний упала с неба и ударила в холм между отрядом смертоносца и тзинчитами Принца. Скала треснула, разойдясь трещинами по скалистой поверхности массива. Все отшатнулись назад, прикрыв глаза.

Зувий заставлял себя смотреть, хотя свет был болезненно ярким. Воздух горел, трещащие дуги расходились от места, куда ударила молния. Распространяющаяся гроза придавала форму раздвоенным вспышкам и треску энергии, потоки энергии извивались на поверхности невидимых фигур, что уже были здесь.

Сетка разрядов достигла ослепительного могущества, и, наконец, в крещендо света, жара и шума, среди воинов Хаоса возникли создания в броне, неожиданно ворвавшись в реальность.

- Грозорождённые Вечные, - тревожно прокаркал Маллофакс. - Возмездие Бога-Короля, облеченное металлом и плотью.

Зувий провернул А'квитас в латных перчатках, заставив ворона взлететь. Прибывшие не были чемпионами Хаоса, посланными Возвышенным Великим Устроителем Апокалпсиса испытать претендентов. Они не были легендарными воинами внутренних кругов Архаона, набранными из рядов тех, к кому Принц Пепелища желал присоединиться. Эти воины были созданы за пределами Владений Смертных - Грозорождённые Вечные Бога-Короля. Зувий никогда не видел подобных чемпионов света.

Они были выдумкой, мифом, слухом – но теперь обернулись жгучей явью. Они стояли прямо перед Принцем, и все сомнения в их реальности исчезли.

Облачённые в небесные серебряные доспехи, Грозорождённые казались бронированным совершенством. Их плотно подогнанные шлемы были холодными масками ужасающей невозмутимости, обрамлёнными шипастыми венцами их призвания. Зувий практически мог слышать смех Тёмных Богов. Тзинч наслаждался своей изощрённостью. Через испытание Владыки Архаона, Великий Изменитель одарил Принца как удачной возможностью показать себя, так и опасностью верной смерти. Всеизбранный привёл его к року, прямо в ловушку с заклятым врагом.

Воин, особенно чародействующий, должен полагаться на нечто большее, чем просто меч и мышцы, чтобы им размахивать. Зувий до последнего не знал, что встретит в конце Кованой Тропы. Он привёл сюда Скаргана Жестокосердого, чтобы тот встал между Принцем и неизвестным врагом. Возможно, могучий смертоносец сумеет расправиться со всеми ними и, в конце концов, привлечь к себе око Архаона. Принц Пепелища вынужден был рискнуть. Живые орудия Зигмара, оседлавшие грозу и предреченные громом, не оставили ему выбора.

- Возвышенный!- позвал Зувий, перекрикивая треск молний. Скарган взглянул на тзинчита сквозь бурю света. - Время пришло. Как я и обещал тебе: враг, достойный твоего клинка. Здесь, на величайшей наковальне в мире, Архаон решил создать воина, достойного его знамени. В огне битвы ты будешь выкован заново. Я видел это, Скарган. Здесь, в оке бури, я видел это.

Чемпион Кровавого Бога указал топором на колонну молний, порождавшую из своей ослепительной яркости чемпионов небес.

- Лишь правоверные! - издал клич один из Грозорождённых Вечных, его слова вспыхнули в воздухе грозной чистотой.

- Принесите мне головы, - прорычал Скарган Жестокосердый своим дикарям.

Первый из небесных воинов бесстрашно выступил вперёд. Скарган и его поклоняющиеся Кхорну дикари были безмозглыми варварами, что несли во владения смерть и разрушение. Зувий испытывал извращённое удовольствие в предвкушении схватки между этими воинами.

Выдвинувшись вперед с луками из сверкающего металла, потрескивающего духовной энергией, Грозорождённые отвели на тетивах стрелы, длиной почти в человеческий рост. Эти метательные снаряды, тоже из металла, сияли, будто раскаленные неким внутренним источником энергии. Грозорождённые выпустили стрелы, чьи древка потрескивали силой. Покинув луки, стрелы обернулись ослепительно блистающими молниями, что устремились вперед стремительным навесом, слишком быстрым, чтобы уследить за ним. Освобожденные молнии пробивали насквозь бойцов Присягнувших Крови, обращая их грудные клетки в оплавленные кратеры плоти и кости, а затем проходили через вторых и третьих жертв.

Разжигатели гнева, стоявшие сбоку от кровавых налётчиков Воарка, пригнулись и стали раскручивать молоты-цепы вокруг своих громадных тел. Зувий видел, как звенящие цепи сталкивались с металлическими стрелами, но не могли отклонить их. Один из небесных воинов вышел вперед, держа в серебряных латных перчатках ещё более огромный лук, и направил его в кристально чистое небо. Подняв его к небесам, он выпустил к звёздам бурю молний, которая обрушилась на одного из крутящихся разжигателей гнева. Варвар, имевший необыкновенно быструю реакцию для воина его размера, как-то отпрыгнул в сторону от сгустка энергии. Разорвавшись вихрем яростных дуг перед

ударом, силовые разряды обволокли другого разжигателя гнева и нескольких находившихся поблизости кровавых налётчиков, подобно какой-то твари с щупальцами. Поражённые силой, мчащейся по их костям, воины начали обугливаться, выгорая изнутри. Буря молний затихла, но кхорниты повалились на колени, их останки ударились о каменистую вершину и рассыпались облаком пепла.

Зувий услышал клацанье щитов, когда сэра Абриэль и его чудовищная Ведьмачья Стража сплотились вокруг своего принца. Грозорождённых Вечных это, впрочем, не остановило. Облачённые в безукоризненную броню, они выступили вперёд и устремили молнии из своих луков прямо в губительных рыцарей. Когда всё впереди Ведьмачьей Стражи стало ярко белым, а металл начал искрить и ломаться, тзинчиты инстинктивно опустили щиты. Побежав вперёд, рыцари оказались меж воинов Зигмара, нанося выщербленными клинками удары по отполированным доспехам. Отбросив сэра Абриэля пинком серебряного сабатона, Грозорождённый разбил дьявольский шлем другого рыцаря ударом армированной дуги лука. Перезарядив оружие, Вечный выпустил поток молний в голову наступающего разжигателя гнева. Обезглавленный варвар проковывал ещё несколько шагов, прежде чем грохнулся оземь.

Принц Пепелища больше не мог стоять без дела. В природе тзинчитов было заложено стремление манипулировать, лгать и вынуждать других страдать от обстоятельств вместо них. Явив своих заклятых врагов, Всеизбранный предложил Орфео испытание, которое могло погубить их всех. Грозорождённые не были некими чудовищными выродками Хаоса, ордой без числа или чемпионом, благословлённым губительным пантеоном. Они были не имеющим равных противником, для которых уничтожение подобных Зувию являлось главной целью. Зувий знал, что против Вечных он должен бросить всё, чем владеет.

Помогая сэру Абриэлю подняться на ноги, Зувий услышал треск собственной латной перчатки на древке А'квитаса. Тёмная страсть заставила Орфео броситься вперед и ближайшему Грозорожденному удар глефой. А'квитас закрыл глаза, и клинок выкованного демонами оружия пробил нагрудник воина. Глефа воткнулась между металлических грудных мышц, и под броней свершилось нечто ужасное. Со взрывом духовной энергии, оттолкнувшим Принца назад, глазные щели на маске Вечного вспыхнули. Что-то гордое и потерянное умерло внутри доспехов. Подобно молнии, устремившейся из владения в небо, всё, что было Грозорождённым воином, исчезло в мгновение ока, став ослепительной дугой чистой энергии.

Эта смерть как будто подпитала ярость отряда Скаргана: разжигатели гнева высвобождали ярость берсеркеров, а кровавые налётчики бросались на надвигающуюся стену из небесных доспехов. Испытав тёмное вдохновение от совершённого Зувием убийства, безумцы удвоили свои усилия, вступив в битву с Вечными, явившимися из самой грозы.

Разжигатели гнева раскручивали большие молоты-цепы вокруг своих чудовищных тел, разбивая шлема Грозорождённых одним ударом перед тем, как напрочь снести головы вторым. Воарк и его воины обступили Вечных Зигмара, прыгая, колотя и цепляясь, отмыкая пластину от пластины клинками налётчиков. Когда поблизости погиб другой чемпион Зигмара, насаженный на косые мечи нескольких рыцарей Ведьмачьей Стражи, Зувий приказал своим воинам отходить. Орфео взглянул на кровавый круговорот неба; он надеялся, что Всеизбранный наблюдал, надеялся, что ворожба, манипуляции и бойня, учинённые им, порадовали чудовищного Архаона.

- Группируемся, - приказал Принц Пепелища из-за стены искаженных щитов. Стрелы-молнии врезались в металл, когда Грозорождённые обрушили мощь своих луков на его рыцарей. Сэр Абриэль и его нескладные воины отшатнулись назад. Пока небесные герои Зигмара продвигались вперед, Орфео мысленно манил их дальше. Его рыцари уже приняли бой с могучими Грозорождёнными Вечными, но

теперь настало время познакомить воинов Бога-Короля с истинной мощью, которой располагал Принц.

- Сейчас! - крикнул он. Ведьмачья Стража разделила щиты и отвела их в сторону, открывая Незрячих. Колдуны вытянули вперёд свои длинные искривлённые руки, и знаки, вытатуированные на плоти их дланей, запылали тёмным волшебством.

Зувий не думал, что создания, подобные Грозорождённым, могут кричать. Неожиданно на столовую гору опустился ужас, когда плоть, металл и кость начали скручиваться и менять форму. Мгновение назад Вечные были священными рыцарями чистоты и предназначения, теперь же они обратились в ужасающие изваяния из перекрученной брони и вылезших внутренностей. Кровь, стекая, собиралась вокруг них, когда воины, замерев на месте, терпели свои последние мучительные мгновения - теперь они были лишь искажёнными свидетельствами кошмарного воображения колдунов.

У плеча Зувия взорвалась стрела, и Маллофакс захлопал крыльями, устремляясь в небо. Птица с визгом упорхнула, оставляя за собой каскад синих перьев. Принц Пепелища уверенно двинулся вперёд и подобрал А'квитас, лежавший на месте убийства Грозорождённого. Затем Орфео двинулся через схватку подобно неприкасаемому безумцу. Холодная расчётливость святых воинов Зигмара - ничто для него. Кровавая лихорадка варваров Кхорна - ничто для него. Тёмная ворожба Незрячих и взмахи мечей, зажатых в протянутых руках Ведьмачьих Стражей - ничто для него.

Принц ловко раскручивал глефу вокруг себя, вращая её вокруг запястья и пропуская за спиной. Беспощадным движением рукояти Зувий обрушивал клинок на врагов, прорубаясь сквозь небесный доспех и плоть. Столбы духовной энергии, подобно кометам, устремлялись обратно в небо, знаменуя очередную безжалостную смерть. Принц Пепелища отсылал сияющих Грозорождённых обратно к их богу, опустошительные удары и пронзающие сердце выпады, наносимые тзинчитом, создавали настоящий вихрь смерти.

Ведьмачья Стража двигалась позади своего принца клином из тёмных доспехов и мечей, прокладывая жуткий путь через дисциплинированные ряды воинства Зигмара. Незрячие нестройной толпой следовали за ними, завывая и вытягивая руки в колдовском страхе, обращая одоспешенных врагов в искажённые скульптуры брони и кости.

Зувий был подобен силе невозмутимого разрушения. Длинной глефой он расплющивал и проламывал маски шлемов Грозорождённых. Орудия древком выкованного демонами оружия, он разламывал металлические луки и разрубал нагрудники атакующих воинов врага. Орфео прорубал тропу в рядах Вечных. Преисполненный безрассудного самозабвения, Принц справлялся с чистыми сердцем воинами вокруг себя.

Он знал, что выглядит достойным в глазах Тзинча и Всеизбранного Хаоса. Истинный воин Хаоса служит Тёмным Богам не только в меру своих способностей, но и в меру способностей других. Скарган Жестокосердый и его воинство были закалёнными в боях убийцами, и их навыки следовало употребить для служения более великой тьме, чем примитивно кровожадному Кхорну. Орфео применил их именно там, где это было необходимо, обернув их силу против воинов убудочного Бога-Короля. Здесь, на холме, созданном, чтобы отпраздновать победу Принца, Грозорождённые и безмозглые дикари Кровавого Бога растратят жизни друг друга.

Из колонны молний вышли новые Грозорождённые, вытянув перед собой глефы. Сверкающие оружия представляли собой клинки от мечей, укрепленные на древках, и облаченные в броню воины разрезали ими кровавых налётчиков пополам. Рассекая Присягнувших Крови от челюсти до бёдер, они шли по

кускам плоти, собирались вместе, чтобы насадить на свои клинки разделённых разжигателей гнева.

Зувий почувствовал смерть неподалёку, когда Воарка, сына Краала, буквально вбили в каменистую поверхность холма великолепной булавой. Буквально в то же мгновение за убитого отомстил один из разжигателей гнева, который направил молотящее навершие цепа по чудовищной дуге. Оно попало в Грозорождённого с булавой, пробило доспех на спине и превратило Вечного в фонтан осколков брони, крови и слепящего света.

Наиболее оживлённой на холме была схватка вокруг Скаргана. Столь же сияющий, как поток из молний, принёсший воинов Бога-Короля, вихрь искрящейся смерти вокруг Жестокосердного был даже ярче. Жестокосердный был неостановим, он убивал одного Грозорождённого за другим, во имя своего бога и Всеизбранного. Тем временем, военный отряд Скаргана умирал вокруг него - дикость Присягнувших Крови не могла противостоять неумолимости и уверенному продвижению одоспешенных Грозорождённых, а разжигатели гнева встречали смерть в безрассудном самозабвении. Но Жестокосердный был подобен скале, об которую разбивались Вечные. Он был смертью. Он был яростью. Он был возвышенным воплощением Кхорна.

Когда Принц Пепелища приблизился к нему, ведя своих воинов и изящно убивая врагов, то увидел Скаргана, прокалывающего шлемы-маски костяными когтями, насаживающего Грозорождённых на свои чудовищные рога, и выбивающего луки из рук трусливых вершителей. Он заставлял бронированных воинов согнуться пополам неистовыми пинками и раскручивал вокруг себя топор, который был длиннее самого смертоносца. Жестокосердный пробивал доспехи, отсекал конечности и повергал наземь могучих воинов священной грозы Бога-Короля. Он отрывал головы и шлемы голыми руками, пробивал глотки и грудные клетки древком боевого топора.

Ничто не могло его остановить. Окруженный телами бойцов своего военного отряда, Скарган проревел вызов предводителю Вечных, облачённому в безукоризненный небесный доспех и плащ. Сопровождаемый двумя братьями, вождь Грозорождённых приблизился к кхорниту, держа в одной перчатке большую алебарду, а в другой оберегающий фонарь. Зувий почувствовал ранящую душу магическую энергию, излучаемую артефактом, и передёрнулся, когда она вышла на свободу. Скаргана Жестокосердного, однако, этот ужасный свет не беспокоил, хотя его красная плоть начала поджариваться на костях от близости фонаря.

Он убил стражников небесного предводителя, расколол их доспехи топором и отправил ярящийся небесный огонь к звездам. Повелитель Вечных пошёл на смертоносца с праведной храбростью, достойной самого Зигмара. Он ударил оберегающим фонарём по рогатому черепу Скаргана, на мгновение ослепив дикаря Хаоса. На краткий промежуток времени Жестокосердный оказался беззащитным и оглушенным. Перехватив алебарду одной рукой, предводитель стал рубить Скаргана изящными взмахами клинка и колоть заострённым шипом, венчавшим оружие. Он сломал костяные когти прокалывателя Скаргана, когда тот пытался защититься ими, и распорол дымящуюся плоть предплечья чемпиона Хаоса. Небесный воин пнул сабатом в бугрящуюся мышцами грудь смертоносца и срезал один из чудовищных рогов с головы воина.

На мгновение Зувий показалось, что ему придется лично противостоять могучему Грозорождённому. Когда чемпион размахнулся оберегающим фонарём для нового обескураживающего удара, Скарган обеими руками поднял топор. Вместо того, чтобы защититься им от удара волшебного оружия, смертоносец, гневно размахнувшись, сокрушил артефакт в ослепительном взрыве магической энергии. Удивлённый уничтожением своего оружия, предводитель отшатнулся назад. Скарган заорал, когда яростная вспышка от разбитого фонаря омыла его обещанную Кхорну плоть кипящим светом Бога-

Короля. Однако же, он не остановился. Ударив топором почти вслепую, он разрубил алебарду надвое. Ведомый лишь чутьём убийцы, Скарган обрушил клинок сверху вниз и вонзил его прямо во владыку.

Доспехи, плоть и кости разделились на две половины в блеске топора. На глаза Орфео ослепительная суть воина умчалась в небо. После этого колонна света вспыхнула, затрещала и исчезла, оставив на своём месте лишь жар и остаточное сияние.

- Стоять, - приказал Зувий. Сэр Абриэль и оставшаяся Ведьмачья Стража сомкнули щиты и ждали, а колдовские ничтожества из Незрячих, те, кто не был проткнут или взорван Грозорождёнными Вечными, слепо хватались друг за друга. Они были не единственными, кто утратил зрение.

Смертоносец представлял собой развалину, но впечатляющую развалину. Его обуглившаяся и обваренная красная плоть дымилась. Выпяченные мышцы рук, груди и спины висели клочьями там, где воины Бога-Короля резали и рубили его, рёбра и прочие кости были обнажены. Один из его больших рогов обратился изрубленным пеньком, а глаза чемпиона помутнели от обжигающей яркости оберегающего фонаря. По неуклюжести его движений было очевидно, что кхорнит ослеп, но при этом всё ещё держал боевой топор с ловкостью десятка зрячих воинов.

Маллофакс приземлился на плечо Зувия. Казалось, что звук насторожил смертоносца, который огляделся и взглянул в небо, ожидая суда и награды от Архаона, Всеизбранного Хаоса.

- Поганый чернокнижник? - прорычал Скарган. - Это ты?

Принц Пепелища провернул А'квитас в латных перчатках, направив наверх выкованного демонами оружия на смертоносца. В металле раскрылся глаз.

- Верно, - ответил Зувий. - Это я. У меня для тебя плохие новости, возвышенный. Ты был оценён как недостойный.

Уродливые черты лица Скаргана искривились в ярости. Он слепо взгляделся в кровавую бурю.

- Кем? - проревел он, взывая к богам. - Кхорном? Всеизбранным?

- Мной, - сказал ему Зувий. Молния соскользнула с глефы и поразила смертоносца в грудь, разорвав Скаргана Жестокосердого. В сотрясшем воздухе взрыве крови и ошмётков плоти, чемпион Кровавого Бога превратился в багровую дымку, плотную и горькую. Зувий повернул голову к Маллофаксу.

- Я отослал Скаргана обратно к его тёмному богу, - пояснил Зувий, кривая улыбка появилась на его губах. - Он ведь этого и хотел.

VII

Орфео Зувию не пришлось долго ждать решения и награды свыше. Он был перекован по предпочтению Всеизбранного, а тела вокруг него полыхнули голубыми вспышками. Неестественная молния со свистом пронеслась по небу и окружила его. Она шипела в кровавом дожде, капли и огоньки танцевали вокруг Принца Пепелища, формируя мерцающие образы.

- Что ты видишь? - спросил его Маллофакс. С усилием всматриваясь в жар и свет спонтанного видения, Зувий огляделся. В окружающей энергии он смог разобрать намёк на большую крепость.

- Зубчатые шпили, - ответил он, - башни и донжоны, достигающие задыхающихся от ужаса небес. Стены

- усеянные шипами, колоссальные и толстые. Пагубная крепость столь крупная, что простирается дальше Владений Смертных.

- Ты видишь Шпиль Варана, - сказал ему Маллофакс, - крепость Всеизбранного. Твоё приглашение продлено, господин мой. Ты показал себя достойным, и он зовёт тебя на службу.

Ярящаяся стена пламени, что окружала их, вдруг исчезла. Всё вокруг стало обманчиво спокойным. Небеса прояснились, явив темноту, лежащую вовне. Затем послышалось хлопанье крыльев. Маллофакс сидел между плечом принца и А'квитасом, в то время как стая стервятников опустилась из тьмы, чтобы пировать плотью павших.

- А где мы найдём этот Шпиль Варана? - спросил Зувий.

- Он находится во Владении Хаоса, - ответил Маллофакс, - и примыкает к Восьмиточию, цепочке путевых врат, соединяющих Владения Смертных.

- Место непревзойдённого разрушения и смерти, - пробормотал Зувий.

- Да, мой принц.

Зувий облизнул изодранные губы. Он ударил по скале, поставив затыльник глефы на поверхность холма. Стервятники кружащейся стаей поднялись в воздух, потревоженные ударом. Маллофакс тоже захлопал крыльями, но сдержался.

- Приглашение принято, - изрёк Орфео Зувий. Рыцарь, что был сэром Абриэлем, придвинулся ближе, как и Ведьмачья Стража с колдунами Незрячих.

- Что теперь, мой повелитель? - спросил Маллофакс.

- Мы последуем за воронами, - ответил Принц Пепелища, - и доверимся их тяге к мертвечине.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Око_бури_/Eye_of_the_Storm_\(повесть\)&oldid=6357](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Око_бури_/Eye_of_the_Storm_(повесть)&oldid=6357)

Эта страница в последний раз была отредактирована 19 октября 2019 в 14:43.